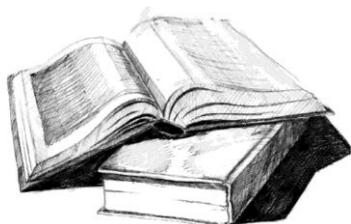

«Вместо покоев скитанием радовашеся, вместо праздности деланием руже свои позлащаше»

Плач сына по отцу-пустыннику

АРХЕО·ГРАФИКА

№5, апрель 2016 г. ~ Труды Археографической лаборатории Истфака МГУ

В номере:

**«ДОБРЫ ЛИ
ЧЕРНИЛА?»:** как и из
чего делали чернила
в Средние века

Алексей Гудков, РГГУ

**КОГДА РАСКРЫВАЕШЬ
ОЧЕРЕДНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ**

Кузьма Жильцов, 3 курс

**НАУЧНОЕ ОПИСАНИЕ
КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ**

Иван Пузырев, 3 курс

**ЧИН ПЕРЕВОДА
В СТАРООБРЯДЧЕСТВО**

Кирилл Клопков, 4 курс

ПОЕЗДКА В ЧЕРНОПЕНЬЕ

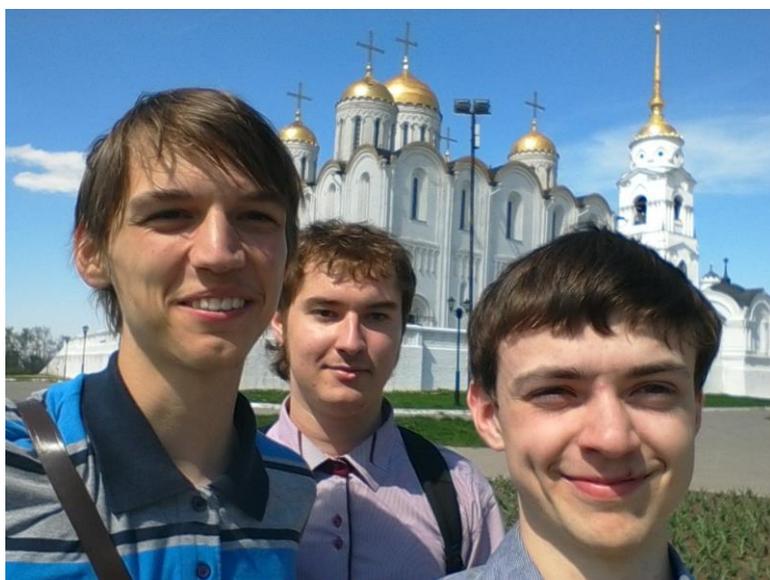
Илья Певзнер, 3 курс

**ЗАПИСКИ
СТРАНСТВУЮЩЕГО
АРХЕОГРАФА. Ч. 2**

**Кологрив –
хранитель старины**

Николай Домрачев,
3 курс

**КОСТРОМА-КОЛОГРИВ
«КНИЖНЫЙ» номер**

Кузьма Жильцов, Николай Домрачев, Иван Пузырев – «книжники» Костромской практики

Ирина Васильевна Поздеева и Кирилл Клопков в Кологриве

«ДОБРЫ ЛИ ЧЕРНИЛА?»: как и из чего делали чернила в Средние века

*Посмотрел чернило, хорошо
ли пишет, пишет хорошо.*

Писцовая запись (НБ МГУ.
Верх собр. 2291. Л. 1)

Чернила являются необходимым слагаемым любой книгописной традиции: ими выводят буквы и знаки нотации, рисуют орнаменты и обводят контур миниатюр... Что же представляли собой средневековые русские чернила – чернила того времени, которое С.С. Аверинцев метко охарактеризовал как «чернильное» [1]?

Рецептов изготовления чернил в Средние века бытовало великое множество. Древнейшие чернящие красители (лат. *atramentum*) изготавливали на основе сажи и угля. Так, например, в ранне-средневековом Египте делали чернила из разведенной в воде сажи (в пропорции 2:1), смешивая ее с клейщим веществом – соком папируса или (позже) *гуммиарабиком* (акациевой камедью). В частности, А. Лукас описывает рецепт приготовления чернил для написания священных текстов, с которым его познакомил один коптский священник: «Нужно положить на землю некоторое количество ладана, поставить вокруг него три камня или кирпича, накрыть их перевернутой глиняной миской, покрыть миску мокрой тряпкой и поджечь ладан. Образующийся при горении углерод откладывается на миске, после чего его соскабливают и, смешивая с гуммиарабиком и водой, превращают в чернила» [2].

Гуммиарабик

Приблизительно с IV в. в том же Египте вошли в употребление чернила, изготовленные на металлической основе – со временем такие чернила бледнели, приобретая красно-коричневую окрас-

ку. Появление новых чернил, судя по всему, было обусловлено процессом перехода от папируса как основного писчего материала к пергамену, на котором чернила типа *атраментум* держатся весьма непрочно и легко размываются, а железистые, напротив, проникают в носитель достаточно глубоко.

Существовал и третий вид чернил, называвшийся *инкаустум* (греч. *ἔγκαυστον*, лат. *incaustum*), отличный как от сажистых, так и от более поздних железистых. Первое упоминание о них мы находим у латинского автора первой половины V в. Марциана Капеллы [3]. Данные чернила представляли собой сгущенный путем уваривания и высушенный на солнце отвар коры *Lignum spinarum* или дубовых орешков [4], к которому добавлялось небольшое количество *атраментум*. В изготовленные таким способом чернила, если они казались недостаточно черными, могли положить раскаленный кусок железа, в результате чего получался новый переходный тип чернил. От блестяще-черных сажистых и красноватых железистых чернила *инкаустум* отличались желтовато-коричневатым тоном.

«Древнерусская и югославянская рецептуры по чернилам, – пишет В. А. Щавинский, – довольно обширны, но все они не восходят далее середины XV в., <...> главная же масса указаний относятся ко второй половине XVI или XVII вв.» [5]. Славянорусские книгописцы X–XII вв. писали, скорее всего, теми же чернилами, что и их византийские современники – то есть чернилами типа *атраментум* или *инкаустум*: первые называли на Руси «чернилами копчеными», а вторые – «чернилами вареными». Несколько позже древнерусские книгописцы стали использовать железно-галловые чернила. Для их изготовления брали измельченные чернильные орешки; затем от 12 дней до месяца настаивали их в теплом месте в кислом растворе (квасе, вине, кислых щах, «жестоким уксусе», «пошлом меде» и т. п.) с добавлением железных опилок, время от времени «подкармливая» смесь медом, задававшим новую пищу бродильному ферменту; а в конце, «ради утверждения», клали в готовые чернила вишневую камедь – конечно, это лишь один из многих бытовавших в Древней Руси вариантов приготовления чернил из дубовых орешков. Иногда с целью умерить брожение в чернила добавляли немного хмелевого отвара, а также имбирь и гвоздику, предотвращавшую от загнивания и образования слизи.

Железистые чернила могли готовить и без добавления дубовых орешков, употребляя вместо

них очищенную ото мха и подсушенную в течение нескольких дней кору молодой ольхи (иногда в ход шли ольховые шишки). В этом случае обычно поступали так: в горшок, заполненный наструганной корой, наливали воду или квас; эту смесь в течение дня варили в печи; затем клали в нее немного железа и давали остыть; в заранее приготовленный сосуд опускали завернутое в тряпицу железо и заливали его процеженным через тряпку чернильным суслом; сосуд затыкали и оставляли на 12 дней.

Ольховые шишки

Железо («нарочито ржавые» и ввиду этого ставшие негодными к употреблению гвозди, цепи, ключи, ножи и тому подобные вещи, предварительно рассеченные на куски), служившее для получения чернил, расходовалось весьма медленно, и его крупные фрагменты вместе с грубо измельченными чернильными орешками и/или молодой корой образовывали так называемое «чернильное гнездо», пополняемое по мере убывания свежим приливом — как правило, из концентрированного отвара все той же коры (обычно ольховой, иногда дубовой или ясеневой) и кислого раствора. Такое гнездо могло прослужить до 7–10 лет.

Позднее, с начала XVII в., вместо железа (а иногда и наряду с ним) стали употреблять железный купорос (FeSO_4) — он же «купорос зеленый», «купорос чернящий» или «купорос сапожный». Применение железного купороса ускоряло процесс приготовления чернил вплоть до одних суток. Перед употреблением его обычно сильно прогревали, завернув в бумагу, пока не побелеет «аки мука». Правильно пользоваться купоросом, заменяя им «железные уклады», русские начинают лишь со второй половины XVII столетия [6]. Однако необходимо отметить, что содержащие купорос чернила действуют разрушающе на носитель — будь то пергамен или бумага. Степень разрушения писчего материала зависит от количества железного купороса (и, как следствия, от

количества образующейся серной кислоты), времени, качества самого материала и условий хранения рукописи.

В качестве примера «купоросовых» чернил приведем рецепт под названием «Состав чернилам, ка[ко] составливати добрая чернила», помещенный на 71-м листе рукописного сборника 1659 г., принадлежавшего Симеону Полоцкому (1629–1680): «Орешки чернильные, на четыре части разбитыя, в ренском [и] на солнце или в тепле инде мочити тебе есть седмицу. По сему тую водку из кляницы желтую, процедя сквозе платенку, и орешки выжав в иную скляницу положить и купаросом чернящим в муку разтерты запустити, и по часту лошкою помешивати в тепле же неколико стояти дний и тако будут добрая чернила. А в тот состав надобно орешков, как много получится ренского, чтобы в нем орешки потонули купаросу прежде по малу присапати [7] донде же мера возмет, а имей отведывати пером на бумазе, и егда счернеют, тогда приложи мерку камеди раздрабленной ради утверждения, и потом пиши потребное» [8].

Чернильные орешки (галлы)

В записной книжке известного городецкого каллиграфа Ивана Блинова (1872–1944) среди прочих записей находим «состав для варки чернил» следующего содержания: «Черных орешков, гуммиарабику, уксусу, или кислова квасу, жженова купоросу, соляной кислоты, гранатовой корки [9], сажки легковесной, лиловаго фруксину [10]» [11].

Несмотря на свое широкое распространение, железо-галловые чернила никогда полностью не вытесняли в России древнейшие чернила типа *атраментум*, которые вплоть до последнего времени применялись некоторыми книгописцами часовенного согласия — как скитскими, так и мирскими. Возможно, что кем-то *атраментум* употребляются и до сих пор, невзирая на экспансию фабричных чернил...

Интересный рецепт приготовления чернил из березовой чаги, которым и сегодня пользуются в некоторых сибирских скитах, описывает

Н.Н. Покровский: грибы очищают от коры, нарезают на небольшие пластины и несколько раз кипятят с кусками дерева в течении 2–3-х дней, каждый раз предварительно охлаждая настой; затем в получившийся буро-коричневый отвар добавляют камедь лиственницы [12].

Киноварь

Помимо черных в ходу были также красные чернила всевозможных оттенков. Византийцы изготавливали свои знаменитые пурпурные чернила, которыми мог пользоваться лишь император, из морских улиток или моллюсков *Murex brandaris*. В 54-й главе 3-й книги трактата «О красках и искусствах римлян» («De coloribus et artibus Romanorum») (IX–XII вв.) описывается следующий способ их получения: «Кровь улиток имеет пурпуровый цвет и представляет собой пурпуровую краску, эти улитки встречаются во многих местах и в особенности на острове Кипре. Если их сильно трясти и при этом выжимать сок, то они будут еще больше испускать пурпуровую краску» [13]. Для более массового производства обычно употреблялись киноварь (греч. κιννάβαρι, лат. cinnabaritis) (сульфид ртути – HgS), имеющая малиновый оттенок, красно-оранжевый свинцовый сурик (оранжевый двойной окисел свинца – Pb_3O_4) и вещества органического происхождения. На Руси процесс получения киноварных чернил обычно выглядел так: растертую в порошок киноварь растворяли в небольшом количестве воды; затем оставляли на некоторое время пока раствор не отстоится; слив с поверхности смеси воду, в емкость с киноварью добавляли вишневую камедь и немного квасцов; иногда получившиеся таким образом чернила разбавляли соком кислого яблока. Сурик, употреблявшийся в России начиная с XVI в. (особенно часто со второй половины XVII-го), получали путем прокаливания свинцовых белил (основной карбонат свинца в форме дегидрата – $2 PbCO_3 \cdot Pb(OH)_2$ или нейтрального карбоната-церуссита – $PbCO_3$),

которые, в свою очередь, являлись результатом обработки свинцовых пластин уксусом.

Для придания книжной композиции торжественной и возвышенно-мистической атмосферы употреблялось письмо золотом и/или серебром. «Кто хочет знать, как делается красивое письмо превосходным золотом, – пишет Иракий в 7-й главе 1-й книги своего трактата «О красках и искусствах римлян», – то пусть прочтет то, что я описал. Надо золото (имеются ввиду тонкие золотые листочки – А. Г.) долго растирать с чистым неразбавленным вином до тех пор, пока оно не станет очень мелким. После этого тонко растертый золотой порошок хорошо промыть водой несколько раз, так чтобы оно было совершенно чистым и светлым, как того требует имеющий белый с отблеском цвет листа книги. После этого можно начинать живопись, предварительно смешав золотой порошок с жидкой бычьей желчью или с гумми. Полученную таким образом жидкую золотую краску вливают в трость писца и пишут. Как только написанное золотом хорошо высохнет, то его полируют зубом дикого медведя, придавая таким образом написанному блеск» [14].

Моллюск *Murex brandaris*

Изредка для написания букв в заглавных строках применялись также синяя и зеленая краски, выполнявшие роль чернил. Для их получения использовали различные пигменты как минерального (ляпис-лазурь – синий цвет, глауконит – зеленый), так и растительного происхождения (например, источником синего красителя индиго являлись растения: вайда (*Isatis tinctoria*) в Европе, различные виды *Indigofera* – в Южной и Западной Азии, горец красильный (*Polygonum tinctorium*) и олеандр (*Nerium oleander*) – в Южной Европе, на Кавказе и на Ближнем Востоке).

Примечания

1. Аверинцев С.С. Типология отношения к книге в культурах Древнего Востока, античности и раннего средневековья // Античность и античные традиции в

культуре и искусстве народов советского Востока. М., 1978. С. 22–23.

2. Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта / Пер. с англ. Б. Н. Савченко. М., 1958. С. 548.

3. Каждан А.П. Книга и писатель в Византии. М., 1973. С. 31.

4. Дубовые орешки (они же чернильные орешки или галлы) – шарообразные наросты на нижней поверхности листьев дуба, производимые личинками орехотворки (*Cynips quercus folii*).

5. Щавинский В.А. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.; Л., 1935. С. 24. Древнерусские рецепты чернил и различных красок в оригинальном изложении см.: Симоны П.К. Къ исторіи обихода книгописца, переплетчика и иконнаго писца при книжномъ и иконномъ строеніи. Матеріалы для исторіи техники книжнаго дѣла и иконописи, извлеченные изъ русскихъ и сербскихъ рукописей и другихъ источниковъ XV–XVIII столѣтій. Вып. 1. М., 1906; Гренберг Ю.И. Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла. Т. 1. Кн. 1–2. СПб., 1995. Т. 2. СПб., 1998.

6. Щавинский В.А. Очерки по истории... С. 27–33, 37.

7. Читай: «присыпати» (прим. П.К. Симоны).

8. Цит. по: Симоны П.К. Къ исторіи обихода книгописца... С. 223–224.

9. Отметим, что если для русской чернильной рецептуры использование гранатовой корки совершенно нехарактерно – в качестве дубильного вещества, как уже говорилось, здесь обычно служат дубовые орешки и/или кора ольхи; то в рецептах чернил, встречающихся, например, в армянских рукописях, применение корки граната распространено достаточно широко (см.: Галфаян Х. К. История изготовления железоголлового чернил в древней Армении // Сообщения ВЦНИЛКР 30. М, 1975. С. 57–70).

10. Фруксин или солянокислый розанилин ($C_{20}H_{20}N_3Cl$) – один из первых синтетических красителей (получен в 1856 г.).

11. НИОР РГБ. Ф. 491. К. 4. Ед. 1. Л. 2.

12. Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 2005. С. 27.

13. Ираклий. Об искусствах и красках римлян / Пер. с лат., прим. и предисл. А.В. Виннера и Н.Е. Елисейевой // Сообщения ВЦНИЛКР 4. М., 1961. С. 56.

14. Там. же. С. 29–30.

Алексей Гудков, РГГУ

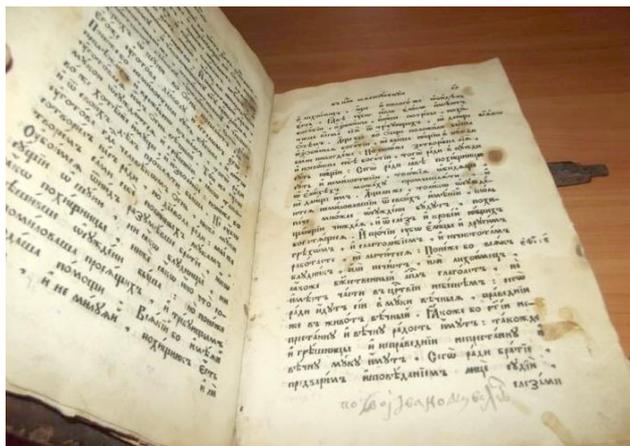
КОГДА РАСКРЫВАЕШЬ ОЧЕРЕДНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Когда раскрываешь очередное Евангелие времени Михаила Фёдоровича или Псалтырь периода реформ патриарха Никона, кажется невероятным что у тебя в руках книга, бывшая свидетелем событий многовековой давности, о которых все мы знаем со школьной скамьи. А ещё более удивительно то, что она сохранилась, уцелела в минуту нашествий иноплемеников и междоусобной брани, пережила многочисленные пожары и простое человеческое равнодушие к истории. Казалось бы, обветшав и выйдя из употребления, эти творения прошлого были обречены на гниение и конечную погибель, однако их бережно или, наоборот, небрежно, но всё равно сохраняли в богатых монастырях и бедных приходских церквях, в домах простых христиан и собраниях провинциальных интеллектуалов. И вот они перед нами, зачастую без дорогих окладов, на которые посягнула чья-то сребролюбивая рука, но зато с бесценными листами древнего текста. Этот текст — то связующее звено между учёным и событиями глубокой древности, которое позволяет истории преодолевать, казалось бы, непреодолимую преграду между минувшим и современностью.

«Книги суть зеркало», — промолвила однажды Екатерина Великая, имея в виду способность литературы отражать настоящее без применения прямых отсылок на реалии дня сегодняшнего. Российская императрица знала, что говорила: когда в свет вышло «Путешествие из Петербурга в Москву», на страницах которого среди зарисовок провинциальной жизни не было места каким-либо революционным призывам, Екатерина объявила Радищева «бунтовщиком хуже Пугачёва» и повелела сослать писателя в Сибирь. Этим своим поступком «Мать Отечества» на деле подтвердила подлинность своих слов. Однако если для современников книга — это действительно «зеркало», отражающее настоящее, то в отношении историков книгу разум-

но было бы уподобить окну, через которое можно увидеть прошлое. При этом порой важен не столько сам текст, особенно если он богослужебного характера, сколько заметки на его полях, служащие незаменимым источником для реконструкции повседневной жизни наших предков. Эти записи рассказывают об отношении людей к прочитанному и к реалиям их времени, фиксируют передачу книги по наследству или в дар, раскрывают самые разные аспекты прошлого, которые невозможно проследить по летописям или каким-либо материалам иного рода.

Вот, например, длинная полистная запись на Евангелии XVII в. свидетельствует о том, что 1 марта 7141 года от Сотворения мира некая Матрона Калистратовна Третьякова вложила эту книгу в солигаличский собор Рождества Пресвятой Богородицы. Вкладчица не преминула при этом пригрозить встречей на Страшном суде тому, кто посягнёт на её дар. А вот другое Евангелие, происходящее из той же самой церкви, и оно также является вкладом Матроны Калистратовны, сделанным опять-таки 1 марта, пусть и с разницей в несколько лет. Эта дата никоим образом не связана ни с храмовым праздником солигаличского собора, ни с именинами самой Матроны. 1 марта празднуется память святой преподобномученицы Екатерины. Может быть, вклад был посвящён памяти близкого Матроне человека, носившего это имя? Или данная святая привлекала вкладчицу своим религиозным подвигом? Вероятно, мы никогда этого доподлинно не узнаем, но подобный факт сам по себе заставляет призадуматься над духовной сферой жизни русского общества периода Средневековья.

А вот перед нами вкладное Евангелие лица гораздо более важного. Это стольник Никифор Иванович Колобов, дослужившийся при Фёдоре Алексеевиче до звания стрелецкого полковника. Его жизнь пришлась на богатый событиями конец XVII века. Колобов участвовал в походах своего полка на Крымское ханство и служил воеводой в сибирских

городах. Он был очевидцем Хованщины и начала масштабных преобразований русского общества на рубеже двух веков. При Софье Никифор Иванович боролся с раскольниками, а при Петре служил «в четвертях для посылок из Москвы». При финансовой поддержке самого царя в стрелецкой слободе им был воздвигнут богато украшенный храм Знамения Пресвятой Богородицы, но на старости лет Колобов предпочёл вложить Евангелие не туда, а в гораздо более скромную церквушку в собственном костромском имении Татьянино, а если быть точнее, то в Знаменский придел той церкви. То, что именно икона Богородицы Знамение сопутствовала жизненному пути стрелецкого полковника, нельзя назвать случайностью или совпадением. Здесь мы опять сталкиваемся с религиозной стороной жизни людей Средневековья.

Но старопечатная книга не исчерпывается одними маргиналиями и записями, в них изредка можно встретить и рукописные миниатюры. Иногда они нарисованы рукой профессионала в строгом соответствии канону, как, например, иллюстрация пира в Кане Галилейской на полях соответствующего евангельского отрывка. Но нам попадались книги с изображениями на религиозную тему, созданными скорее простыми читателями, причём, судя по всему, в подражание профессиональным миниатюрам.

Свою ценность имеют и выходные данные книг. Во времена политической нестабильности, когда «сильные мира сего» не ощущают свою власть прочной, большое внимание всегда уделяется идеологии как инструменту легитимации этой самой власти в глазах общества. Не является исключением из правила и XVII век, лишь с той оговоркой, что роль передатчика идеологии до народа выполняют не СМИ, а выходные данные богослужебных книг, в огромном числе расхоронившихся из столицы

по всей стране. В конце одного Евангелия к имени царя Михаила Романова прилагаются, например, следующие эпитеты: «Богом венчанный, и Богом почтенный, и Богом превознесенный, и благочестием всея вселенная в концех воссиявший». Особо отмечается, что издание богослужебных книг осуществляется по милости монарха. Так, того же Михаила Фёдоровича безымянный автор выходных данных хвалит за то, что он «не изволи божественаго разума под спудом житейския толстоты скрыти». То, что эти славословия панегирического характера включались в состав книг религиозного характера, давало ясно понять подданным, что царская власть утвердившейся на российском престоле династии Романовых не просто легитимна, но в определённой мере даже священна.

Древние книги столь ценны также и благодаря тому, что они позволяют нам не только проследить деятельность выдающихся людей своего времени, но и увидеть жизнь людей простых. Это может быть монастырский служка Анашка Трофимов сын Тишин, зафиксировавший на полях вкладного Евангелия дар своих неграмотных земляков, или неизвестная по имени женщина, завещавшая малолетнему сыну уже в советскую эпоху Псалтырь XVII в. с трогательным наставлением найти некую старушку, которая *ещё понимала* язык той далёкой эпохи.

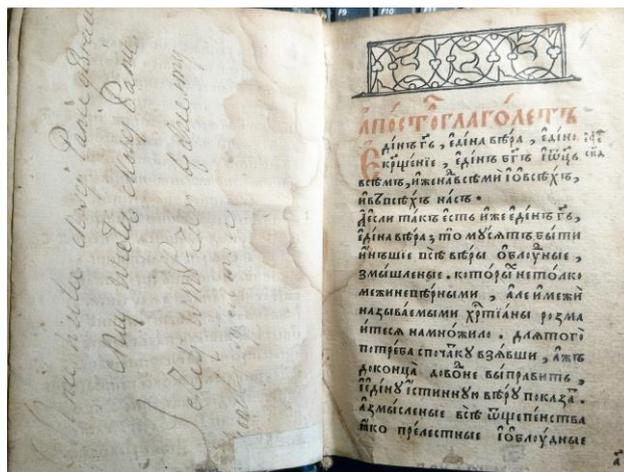
Можно было бы и дальше говорить о том, какую бесценную информацию для исследователя несёт древняя рукопись или старопечатная книга, но и приведённые выше примеры ясно демонстрируют их достоинства в качестве исторических источников. Не будет голословным утверждение, что на их обветшавших от времени страницах перед исследователем чудесным образом встают картины давно канувших в Лету событий, воскрешаются судьбы людей прошлого. Степень их участия в судьбах страны была, конечно, неодинаковой, но именно все вместе, всем миром, они творили российскую историю. И потому ни один из них не заслуживает быть забытым потомками.

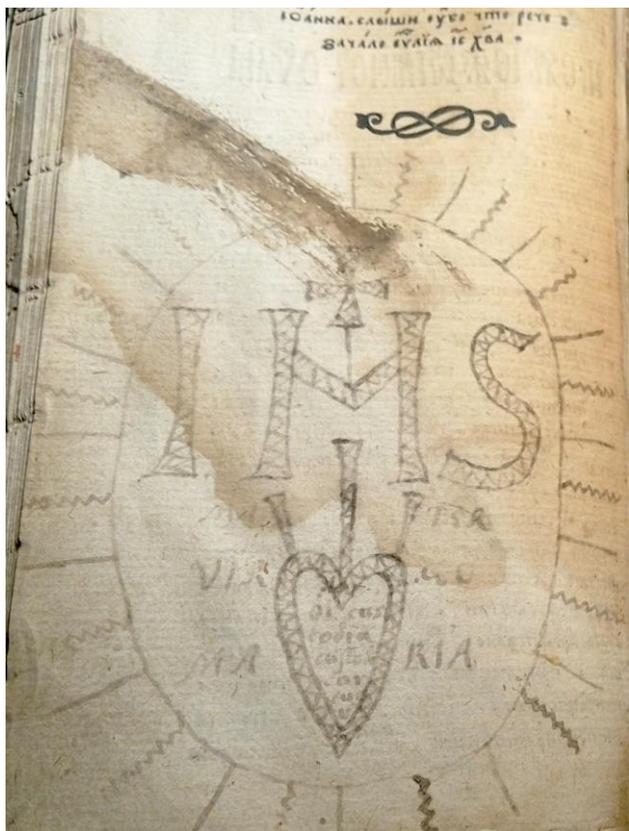
Кузьма Жильцов, 3 курс

НАУЧНОЕ ОПИСАНИЕ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ

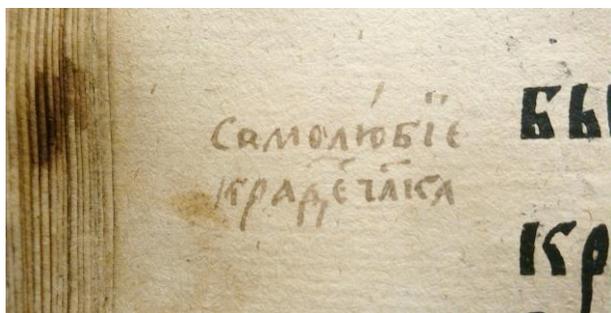
В июле 2015 года экспедиция Межкафедральной археографической лаборатории исторического факультета МГУ начала свою работу в Костромской области. Нам, троим студентам-второкурсникам, очень повезло, потому что мы работали в одном из крупнейших книжных собраний области: Церковном Историко-Археологическом музее Костромской епархии РПЦ. В то время когда наши коллеги-однокурсники, проходившие библиографическую практику, в течение недели не выходили за пределы высоких стен фундаментальной библиотеки нашего университета, нам довелось работать не просто с историческими памятниками XVI–XVII вв., но и погрузиться в атмосферу настоящего средневекового скриптория. Музей, в котором мы трудились под руководством Ю.С. Белянкина, находится на территории знаменитого Ипатьевского монастыря, в котором Михаил Фёдорович Романов был благословлен на царство в 1613 г.

Здесь, в собрании церковного музея, нам удалось обнаружить несколько редких изданий. Особый интерес вызывает экземпляр Нового Завета, изданный в 1580 г. русским первопечатником Иваном Федоровым в Остроге (Великое княжество Литовское). В этой книге встретились многочисленные пометы и маргиналии, которые при ближайшем рассмотрении оказались более поздней киноварной правкой, позволяющей считать данный экземпляр корректурным. На страницах этой книги удалось обнаружить интересную христуграмму с изображением солнца, креста и сердца, пронзенного тремя стрелами и надписью на латинском: «IHS. Mater Virgo Maria» (см. фото в приложении). В той же книге встретилась маргиналия в виде иллюстрации страстей Христовых и читательских помет.

В книге Василия Великого «О постничестве» Острожской типографии 1584 г. на многих листах удалось выявить и при активном содействии Юрия Сергеевича расшифровать пометы «Зри пильно (вельми, очень – укр.) и внимай!», «Z» и другие записи полууставом с элементами скорописи XVII–XVIII вв. на полях, которые показывают бытование книги «литовской» печати в западнорусских землях. В этой книге также встретились изображения перста указующего, которые, возможно, акцентируют важные для читателя вопросы. Содержание маргиналий касается тем монашеского аскетизма, вопросов веры и соблюдения монашествующими данных обетов. Столь же интересные маргиналии имеются в острожском издании «Книги о вере».

Одной из главных целей экспедиции было начало работы над созданием сводного научного каталога старопечатных кириллических изданий XVI–XVII вв., находящихся в государственных хранилищах Костромской земли, который мог бы сделать доступным для научных исследований

целый пласт русской книжной культуры эпохи позднего Средневековья и Нового времени. Очень приятно осознавать, что нам, юным исследователям русской старины, дали возможность поучаствовать в решении столь амбициозной задачи. Благодаря практике в церковном архиве, мы научились не только основам полевой археографии, но и увидели многие стороны исследовательского процесса, о которых не пишут в учебниках. Работа с книгой XVI–XVII вв. – это всегда открытие, быть может и не мировой известности, но зато очень важное с точки зрения понимания процессов того времени.

Таким образом, научное описание книжных собраний Костромы и ее окрестностей позволяет расширить наши представления о книжности, уточняет историю конкретных изданий. Благодаря описанию памятников русской старопечатной книги исследователи могут получить новые сведения об их владельцах, глубже понять мировоззрение средневекового человека и круг его чтения. Описание окладов дополняет иконографию отдельных сюжетов, украшавших переплеты книг старой печати. Все это еще раз подчеркивает необходимость дальнейшего продолжения работ в указанном направлении.

Иван Пузырев, 3 курс

ЗАПИСКИ СТРАНСТВУЮЩЕГО АРХЕОГРАФА. Часть 2.

Кологрив: хранитель старины

На протяжении двух недель мы с отрядом под чутким руководством И.В. Поздеевой работали в храмах в окрестных с Костромой деревнях. Постепенно погода установилась, дожди прекратились, но слабое далекое солнце было еще не в силах прогреть остуженный неделями ненастьем северный воздух. В одно солнечное утро, предвещавшее яркий приятный день, мы нашим небольшим отрядом погрузились в машину и отправились в дальний путь.

Целью нашего путешествия был небольшой, затерянный в густых сосновых борах далеко на северо-востоке, городок Кологрив. Ныне один из рай-

онных центров Костромской области, городок был основан в XVI в. как пограничный острожек, чтобы обезопасить северо-восточные рубежи Московского государства от набегов казанских татар и их союзников. В ранних документах он упоминается под именем Окологривье, то есть, расположенный около гривы – высокой череды холмов и возвышенностей.

Однако удачное расположение на реке Унже, широкой и размеренной, которая впадает в Волгу, обеспечило городку долгую и насыщенную жизнь. После взятия Казани и покорения заволжских племен оборонительное значение крепости сходит на нет, и в течение всего XVII Кологрив пустеет. Ситуация была спасена по инициативе местного воеводы: город был перенесен на 40 верст ниже по течению Унжи. Уже в 30-е годы XVIII в. Кологрив становится экономическим центром округа, замыкая на себе местную торговлю. Он превратился в единственного торгового посредника округа с остальной Россией. Рост его экономического значения зафиксирован нами при работе в местном музее. По счастливой случайности в наши руки попала книга, переплетенная кустарным картоном. От времени переплет расслоился, раскрыв перед нами забытые страницы истории городка. К нашему великому удивлению, картон был склеен из указов и распоряжений по Кологриву от 1732 г., регулирующих права и состав местного купечества, а также условия торговли по Унже.

Основными статьями экспорта городка, получившего статус полноценного города в 1778 г. и ставшего одновременно уездным центром, был лес, пушнина, в незначительной степени продукты животноводства, разнообразные лесные промыслы. Население города составляло не более 1000 человек, только лишь с XX наблюдается его бурный рост. К концу советской эпохи город увеличился в 6 раз, но с 90-х гг. жидели начали покидать его. Сейчас там официально живет чуть более 3000 человек. В последнее время у города начинает открываться второе дыхание. Густая грива вороного коня, символа Кологрива с 1779 года, приносит

удачу. Чистый воздух, слабо задетые человеком окрестности и красота местной природы, мало изменившейся со времени первых московских гарнизонов, привлекают сюда туристов-дачников из центральной России. По словам местных жителей, сюда на лето съезжаются целыми семьями жители мегаполисов, и в это время в Кологриве можно насчитать аж 9000 человек.

Пик туризма приходится на май. Кологрив прозван в народе гусиной столицей России. На противоположном берегу Унжи, на огромном поле, где летом выпасают скот местные фермеры, собираются тысячи гусей. Они держат путь в родные края, на север, и кологривское поле стало для них последним привалом перед прибытием в родные края. Они около месяца восстанавливают и копят силы на молодой весенней травке, не боясь забираться на участки местных жителей, выискивая на свежевспаханной земле съедобную живность. В это время официально запрещена всякая охота, поэтому 10-15 тыс. птиц могут чувствовать себя в безопасности. Местные жители рассказывают, что посмотреть на это событие съезжаются ученые-орнитологи со всего мира. Многие из них уже давно знают, кого искать: некоторые гуси помечены специальными метками, с помощью которых со спутников следят за ежегодными маршрутами их миграций.

В пути мы провели около семи часов. Ехать было не близко – от Костромы до Кологрива около 350 км. Наш путь лежал через густые леса, где на залитых солнцем песчаных перелесках среди молодых сосенок и берез цвели цветы, и среди травы подмигивали из-под прошлогодней листвы своими яркими шляпками грибы. Вдоль дороги, где не застаивалась после долгих дождей вода, тут и там среди подлеска виднелись красные россыпи бузины. Порой мимо наших окон мелькали грибники, расположившиеся вдоль дороги, предлагая путникам щедроты местных лесов. Мы останавливались

дважды, чтобы размяться и отдохнуть от непростой, изъеденной трещинами и затканной заплатами дороги. Входя в лес, пробираясь сквозь заросли придорожных кустарников, начинаешь ощущать сладковатый запах прелой листвы и сырости от недавнего дождя. Пройдя чуть дальше, оказываешься в бесконечном зале, ветвистый, с проблесками голубизны, потолок которого подпирают ряды массивных темных колонн. Среди редкой травы и скромных лесных цветов, скрываясь среди трухлявых пней, валежника и листвы, на тебя глядят сотни разноцветных глазок – грибы. Собранных в дороге отборных благородных грибов оказалось с лихвой достаточно для сытного ужина на четыре голодные персоны.

Узкий лоскутный ковер трассы, переливаясь на солнце всеми оттенками серого своих заплат, петляя сквозь леса и луга, взбираясь на холмы и сбега в овраги, перепрыгивая мостами через ручьи и речки, бежал на восток. Чем дальше от Костромы, тем меньше и меньше попадалось людского жилья. Жизнь человеческая концентрировалась лишь в райцентрах, раскинувшихся по обе стороны трассы своими одноэтажными домиками, сверкающими в летнем солнце стальными кровлями. Вне их следы жилья обозначались только одиноко вздымающимися среди полей или из-за макушек деревьев колокольнями старых вотчинных церквей. Край костромской некогда славился своими поместьями. До сих пор помнят селцо Островское, владение рода великого русского драматурга. Теперь в деревнях хозяев нет. Одиночество колоколен полуразрушенных церквей сглаживают гнездящиеся там вороны да маленькие деревца, чудом прижившиеся на их скудных почвой карнизах. Дальше на восток начинают встречаться покинутые деревни, мрачно глядящие в спину путнику забитыми глазницами окон в покосившихся избенках.

От поселка Мантурово дорога поворачивает на север, и следуя вдоль петляющего русла Унжи, бегущей среди густых сосновых боров, указывает направление на Кологрив. Наш городской малолитражный Ниссан совершил чудо, пробравшись еще 50 км. по этому «направлению», ибо лоскутное полотно очень быстро закончилось. Нас встретила ухабистая дорога, пробоины в которой часто были глубже посадки нашей крохотной машинки. То и дело нас, гремя всем своим стальным нутром, обгоняли лесовозы. Кологрив на протяжении веков сохраняет свое ремесло – лесная промышленность. Большая часть кологривчан трудится на делянках в окрестностях города, валя вековой лес. Это экспорт страны. Но тяжелые лесовозы приво-

дят в негодность любую дорогу, превращая ее в пресловутое русское «направление», ставшее притчей во языцех и воспетое в тысячах анекдотов.

Кологривский музей, где мы работали чуть меньше недели, достался в наследство от крупного художника и коллекционера Геннадия Александровича Ладыженского. Это большое двухэтажное здание из красного кирпича, построенное в английском стиле. Тут Ладыженский провел последние годы жизни, вернувшись в родной город и привезя сюда все свои коллекции. Благодаря этому уникальному человеку собрания Кологривского музея стоят особняком среди коллекций прочих районных музеев России. К сожалению, большинство уникальных объектов хранятся в фондах, редко представляя на суд публики. Например, музей обладает огромной коллекцией (более 1000) акварельных работ Г.А. Ладыженского, признанного мастера акварели, но они редко выставляются в экспозиционных залах. Та же ситуация и с книгами.

Вообще кологривская земля знаменита своими талантами, вышедшими из простых семей. Здесь родился и работал выдающийся и своеобразный художник Ефим Честняков, выходец из крестьян. Своими глубокими работами он внес большой вклад в изображение крестьянской жизни и русской глубинки. Тут же родился уже упомянутый художник Ладыженский, мещанин, сын волостного писаря. Он смог поступить в Императорскую академию художеств, успешно там учился, был знаком с великими мастерами-передвижниками: Клодтом, Шишкиным, Крамским. После окончания Академии он поселился в Одессе, где жил и преподавал в течение 30 лет. Именно этот этап его жизни во многом определил характер его многочисленных коллекций, собиранию которых он посветил свою жизнь, так же как и занятиям живописью. Вернувшись на родину, о которой он никогда не забывал, и которая часто всплывала в его

памяти, отражаясь на холсте, Ладыженский завещал все свое собрание городу. Он коллекционировал западноевропейскую живопись, в его собрании много работ неизвестных художников, собирал скульптуру и пластику, и, конечно же, книги.

В задачу нашей экспедиции в Кологрив не входило описание книжного собрания Краеведческого музея, в первую очередь мы должны были проверить ее состав, уточнить издания у одних или определить их у других экземпляров. Однако, не зная истории коллекции и не имея точного представления о тех книгах, которые там хранятся, мы оказались плохо готовы к реальности. Дело в том, что, как я уже говорил, почти вся книжная коллекция Ладыженского сформировалась во время его жизни в Одессе. В связи с этим, в его руки чаще попадала бытовавшая именно на Украине книжная продукция. В большинстве своем это Киевские или Львовские издания, потому что в XVI–XVII вв. Московский печатный двор с трудом обеспечивал потребности на территории бывшей Северо-Восточной Руси. Соответственно, мы оказались технически не готовы к встретившему нас обилию книг западно-русской печати, не имея под рукой нужных справочников. Однако, несмотря на эти трудности, нам удалось определить состав собрания старопечатных книг, и сделать описание полутора десятков экземпляров.

Из просмотренных книг старой печати всего около трети издано на Московском печатном дворе. Остальные изданы на территории Литвы и Украины. Составленный нами список показывает обширную географию кириллического книгопечатания в XVI–XVII вв. Это помимо Печатного Двора в Москве Типографии Лавры и Ивана Вирбицкого в Киеве, Братская типография и типография Михаила Слезки во Львове, Типография князя Константина Острожского в Остроге, Типография Кирилла Старовецкого в Рахманове, Верхняя типография Симеона Полоцкого в Москве, Кутеин, Чернигов, Евье. Удивительно, что в собраниях краеведческого музея сохранились 6 экземпляров печати XVI в. Книги хорошо представляют ассортимент печатной продукции с одной стороны и предпочтения читателей с другой. В собрании присутствуют два «светских» издания Московского Печатного двора: прекрасно сохранившийся, без следов активного бытования экземпляр Грамматики Милетия Смотрицкого (1648) и экземпляр Скрижали (1655) неполного состава. Книги представлены как богослужбными изданиями (Евангелия, Триоди, Требники, Служебники и др.), книгами для келейного чтения (Псалтири с Восследованием, Маргарит, Духовные беседы Макария Египетского и др.)

богословской литературой и публицистикой (О Священстве Иоанна Златоуста, Трубы словес проповедных Лазаря (Барановича), Сборник о почитании икон, Книга о вере единой Захарии Копыстенского и др.).

Бароний. Титульный лист.

Хорошо представлены в кологривском собрании и более поздние эпохи. Есть несколько редких книг петровской эпохи, от которой обычно мало что сохранилось до наших дней. Эти книги показывают также широкую географию функционирования книгопечатного дела в петровской России. Это киевские, московские и черниговские экземпляры. По стечению обстоятельств в этой небольшой группе оказались представлены также почти все типы книжной продукции той эпохи: богослужбная литература (Новый Завет, 1717), келейная литература (Псалтырь, Печерский Патерик, 1702), учебная литература (переиздание Грамматики Смотрицкого, 1721), богословская литература (Камень веры Стефана Яворского, после 1722), историческая литература (Деяния церковные и гражданские Цезаря Барония, 1719), публицистическая (Переславное торжество свободителю Ливонии Иосифа (Туробойского), 1704). В коллекции Ладыженского много и более поздних книг, в том числе и зарубежной печати. Особо можно

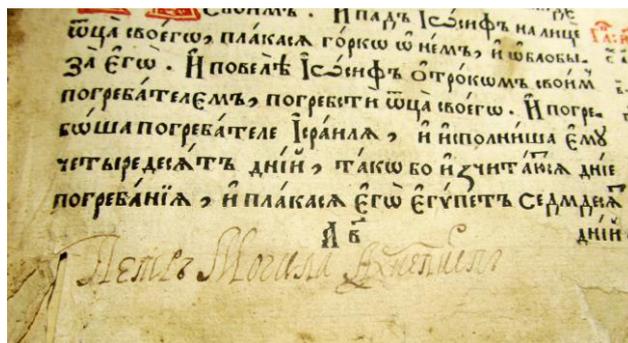
выделить белградское издание Службы и жития преп. Иоанна Рыльского, 1836 г. и грекоязычное венское издание Проскинитария патриарха Анисима, 1806 г. Последнее снабжено вкладышами с превосходной работы гравюрами, повествующими о Новозаветной истории.

Книга о вере

Отдельно стоит выделить Триодъ Цветную, отпечатанную в типографии Киевской Лавры в 1642 году. Ее заключается в том, что она несет дарственную вкладную запись, оставленную крупной исторической личностью – митрополитом Киевским и Галицким Петром Могилой, деятельным украинским просветителем, организовавшим в Киеве академию, впоследствии получившую его имя. Я полностью приведу его запись (в адаптированной орфографии), занимающую 17 первых листов: «Сию книгу даровал преосвященный/ Петр Могила, архиепископ/, митрополит Киевский и Галицкий/ и всея России, Экзарх святейшего/ апостольского Трона Констан/тинопольского, архимандрит Печерский Киевский; во знамение/ отеческия любви своего сердца/ пречестной госпоже инокине Серафиме Свернавской/ в монастырь от нея <...>/ сродца в граде Угличе в лето 1643 месяца мая 7 дня; рукою властною (подпись)». Дальнейшая судьба книги сложилась непросто, о чем свидетельствуют многочисленные записи на ней. Книгу несколько раз вкладывали в различные храмы, выкупали, продавали. Но сохранность записей не позволяет на данный момент точно

проследить ее судьбу. На многих других книгах присутствуют интереснейшие записи, рассказывающие об их судьбе и судьбе их владельцев.

Работа с собранием Ладыженского в Кологриве только начинается. В этом году сделан только предварительный ее этап – изучение и уточнение состава книжного собрания. Далее предстоит не менее захватывающий и полный открытый процесс ее описания. Сейчас уже ясно, что кологривская коллекция – уникальное явление не только Костромской области, но и всей России. Искусственно собранная, она представляет большинство известных кириллических печатен Восточной Европы, различные типы книжных текстов и различную их судьбу. Она позволяет сравнительно изучить различные аспекты создания и бытования книг в восточном (московском) и западном (украинском) ареалах православной культуры, вкусы предпочтения читателей на Украине и в Северо-Восточной Руси. Сейчас, описав ничтожную часть экземпляров, уже ясно, сколько новой информации к размышлению может принести коллекция художника Г.А. Ладыженского из затерянного в дремучих лесах городка Кологрива, столицы гусей, грибов и старопечатной книжности.

Николай Домрачев, 3 курс

